

**ИСЛАМ ТЕКУШЕВ
КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО**

**АБХАЗИЯ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ**

**АБХАЗСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ОПРО-
СОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

**ПРАГА
MEDIUM ORIENT
2017**

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Маркедонов Сергей, кандидат исторических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета
(РГГУ, г. Москва)

Рощин Михаил, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения
Российской Академии наук
(г. Москва)

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В АБХАЗИИ.....	13
2. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В АБХАЗИИ И ГРУЗИНСКИЙ ВОПРОС В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	25
3. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ	33
4. МЕДИА - ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ АБХАЗИИ	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	55
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	<u>632</u>

Введение

После распада Советского Союза в декабре 1991 г. в процессе болезненного рождения новых наций-государств Кавказский регион стал безусловным лидером по количеству непризнанных государственных образований, убедительно продемонстрировав, что начертанные советской властью межреспубликанские границы могли успешно и гарантированно существовать только в условиях СССР. Кавказские де-факто государства бросили в целом успешный вызов как постсоветским республикам, трансформировавшимся в 1991 г. в независимые государства, так и сформировавшимся в период СССР межреспубликанским границам, ставшим после 1991 г. межгосударственными.

Абхазия, входившая в период СССР в состав Советской Грузии в качестве автономной республики, является, пожалуй, примером наиболее успешного кавказского де-факто государства. В отличие от аналогичных государственно-политических образований на Кавказе, Абхазия не только не утратила своего статуса в процессе нелегких исторических испытаний, но и в силу ряда обстоятельств сумела существенно повысить его, пройдя тернистый путь от «непризнанного» до «частично признанного» государства после российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 года.

Между тем, более двадцати драматичных постконфликтных лет общественное мнение жителей Абхазии было фактически вне поля зрения социологических служб. Данное обстоятельство было связано с рядом причин, среди которых наиболее серьезное значение имела неопределённость государственного статуса непризнанной республики, отколовшейся от Грузии в результате этнического конфликта 1992-1993 гг., а также политическая и экономическая изоляция Абхазии, последовавшая вслед за подписанием мирного соглашения. Кроме того, немаловажную роль

играла высокая стоимость социологических опросов, которые не могли себе позволить государственные структуры внутри Абхазии.

Многие годы единственной обратной связью между властью и обществом являлись традиционные народные сходы, которые давно утратили свою функциональность в мирное время и не отвечают современным вызовам и запросам общества.¹ Опросы же отдельных категорий населения, например, беженцев, проводимые различными гуманитарными организациями и НПО, носили, как правило, фрагментарный характер и не давали полного представления о состоянии общества, о динамике общественно-го развития в Абхазии.

Ситуация существенно изменилась вслед за признанием независимости Абхазии Россией и рядом других стран в августе 2008 года, что, в частности, привело к поступлению в казну республики значительной финансовой помощи из России. Факт признания независимости Абхазии со стороны России и некоторых других государств повысил интерес к изучению общественного мнения в этой республике как в экспертном сообществе, так и среди политических элит. Динамика развития абхазского государственного проекта поставила перед абхазскими элитами ряд новых вызовов и задач, актуализировав вопросы нациестроительства. Кроме того, значительно изменились и усложнились общественные запросы населения Абхазии, что, в частности, проявилось в широком осознании острой необходимости в скорейшей и всесторонней модернизации абхазского общества.

Признание независимости Абхазии со стороны Москвы и установление тесных союзнических отношений с Россией, повлекшие за собой нивелирование ранее актуального грузинского вопроса, резко изменили общественные настроения и запросы в Абхазии. Ранее доминировавшие опасения относительно возможного вооруженного вторжения Грузии сменились на более

¹ См. Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Приложение к Кавказскому сборнику Выпуск №1. Московский государственный институт международных отношений. Москва, 2008.

широкий и разнообразный спектр общественных тревог, включая проблемы безопасности, коррупцию, межэтнические и межконфессиональные отношения, проблемы сохранения родного языка, а также многое другое.

Москва, успешно реализовав курс Абхазии на самоопределение и став, по существу, единственным гарантом ее самостоятельного существования, активизировала выношенный обществом запрос на реализацию проекта национального государства, предполагающего независимость и самостоятельность государственной власти на территории Абхазии, независимость в международном общении, а также наличие общего языкового и культурного пространства.

Резкие изменения в общественных настроениях населения Абхазии ярко проявились в ходе социологических опросов за последнее десятилетие. Так, если согласно опросам общественного мнения, проведенным пражским агентством Medium-Orient в 2006 году 68% жителей Абхазии выступали за присоединение к России, то уже в 2011 году, то есть спустя три года после признания независимости Абхазии Россией, лишь 24% жителей Абхазии допускали такой сценарий развития событий. В 2016 году за подобный сценарий высказалось 27% респондентов.

При этом стоит отметить, что абхазские грузины и многочисленная в Абхазии армянская община, проживающие бок о бок с коренными абхазами в пределах одного жизненного пространства, безусловно, разделяют те общественные запросы, которые касаются общечеловеческих ценностей, прежде всего гражданских прав и свобод, включая свободу слова, свободу религии, свободу передвижения, защиту частной собственности и многое другое. Вместе с тем, ответ на вопрос о том, в какой мере они готовы жить в национальном абхазском государстве, сохраняя при этом свою этнонациональную идентичность и не подвергаясь полной ассимиляции, по меньшей степени, остается в значительной степени открытым.

Так, по данным опроса за 2016 год, среди этнических абхазов число сторонников сохранения независимости в ее нынешнем виде составило 50.8%, превысив общий по республике показатель на 11%. В то же время, число предпочитающих вхождение в состав России среди абхазов составило 18.3%, что меньше общего показателя по республике на 10%. При этом количество сторонников вхождения в состав России среди армян достигает 48.6%, а среди русских 56, 3%. Данные цифры существенно выше, чем у грузин (25.1%) и этнических абхазов (14.6%).

В настоящее время в Абхазии работают несколько социологических служб, осуществляющих мониторинг общественного мнения по заказу как международных организаций, так и локальных государственных структур. Среди них - Институт социального маркетинга (Москва), Левада-Центр (Москва), Ассоциация женщин Абхазии (The Association of Women of Abkhazia - Сухум), Информационно-аналитический центр Medium-Orient (Прага), Центр Социологических исследований (ЦСИ) при президенте Абхазии, Абхазский институт Гуманитарных исследований (Сухум), Центр гуманитарных программ (Сухум).

Информационное агентство Medium-Orient (www.caucasustimes.com) проводит регулярные социологические опросы в Абхазии с 2006 года. В разное время Medium-Orient изучал электоральное поведение населения Абхазии, медиапредпочтения жителей республики, социальное самочувствие населения республики, а также внешнеполитические приоритеты населения Абхазии.

За несколько лет работы в Абхазии собран разнообразный и в значительной степени уникальный материал, который может представлять интерес для широкого круга экспертов, включая журналистов, ученых, политиков, а также представителей международных организаций. Особый интерес представляют данные, полученные в ходе изучения общественного мнения по вопросам, касающимся внутривнутриполитической и экономической ситуации в республике. Отдельный интерес также представляют

данные об отношении представителей различных этнических общин к абхазскому государственному проекту. Этот вопрос в известной степени зависит от национальной принадлежности респондентов.

Еще больший интерес представляет собой особый в этнокультурном отношении регион Абхазии - Гальский район, населённый преимущественно грузинами, вернувшимися в свои дома после подписания мирного соглашения в 1994 году.

В предлагаемой читателю брошюре приведены результаты опросов в Абхазии, проведённых агентством Medium-Orient в разное время, в том числе и последнее масштабное исследование общественного мнения, проведенное весной 2016 года.

В целом с 2006 года Medium-Orient провел в Абхазии четыре опроса общественного мнения. Во всех случаях план выборки исследования был разработан на основе данных переписи населения Республики Абхазия (РА) за 2003 - 2011 год.²

Объём выборочной совокупности менялся в зависимости от бюджета проектов, при помощи которых мы проводили опросы. Так, в 2006 и 2011 годах он составил 345 человек, в 2013 году 500 человек, в 2015 году выборочная совокупность составила 1497 респондентов, и в 2016 году 1000 респондентов.

В качестве целевой группы исследования, в каждом случае, было определено население Абхазии в возрасте от 15 лет и старше. Для обеспечения репрезентативности выборки была разработана многоступенчатая, стратифицированная, пропорциональная, случайная методология выборки респондентов, которая включала в себя следующие этапы:

- 1) Стратификация и выбор первичных единиц выборки (ПЕВ);
- 2) Определение количества точек выборки (ТВ);
- 3) Выбор домохозяйств;
- 4) Выбор респондентов.

² См. Абхазия в цифрах за 2011 г. Управление государственной статистики.

Все регионы, включённые в выборку, были поделены на городскую и сельскую местность. Таким образом, были определены следующие страты:

- Сухумский район - сельская местность;
- Гагрский район - городская и сельская местность;
- Гудаутский район - городская и сельская местность;
- Гулрыпшский район - городская и сельская местность;
- Очамчырский район - городская и сельская местность;
- Ткуарчалский район - городская и сельская местность;
- Гальский район - городская и сельская местность.
- Город Сухум - городская местность;

Таким образом, в целом были определены 14 страт. На основе данных переписи населения Республики Абхазия была выявлена общая численность населения для каждой страты. Следующим шагом было установление доли каждой страты в общем объёме генеральной совокупности.

Далее было определено число респондентов для каждой страты путем умножения общего объема выборочной совокупности на процентное соотношение каждой страты. Так, в 2016 году он выглядел следующим образом. (См. таблицу 1)

*Таблица 1.
Распределение респондентов по стратам*

Регион	Численность населения	Процентное соотношение, %	Число респондентов
г. Сухум	62914	26,1	261
Город	62914	26,1	261
Сухумский район	11531	4,8	48
Село	11531	4,8	48
Гагрский район	40217	16,7	167
Город	26451	11	110

Регион	Численность населения	Процентное соотношение, %	Число респондентов
Село	13766	5,7	57
Гудаутский район	36775	15,3	153
Город	10082	4,2	42
Село	26693	11,1	111
Гулрыпшский район	18032	7,5	75
Город	3910	1,6	16
Село	14122	5,9	59
Очамчырский район	24868	10,3	103
Город	5280	2,2	22
Село	19588	8,1	81
Ткуарчалский район	16012	6,7	67
Город	5013	2,1	21
Село	10999	4,6	46
Гальский район	30356	12,6	126
Город	7605	3,2	32
Село	22751	9,5	95
Итого по РА	240705	100	1000
Город	121255	50,4	504
Село	119450	49,6	496

Выборка домовладений

Количество интервью в каждой из точек выборки (ТВ) был равен 10. Так, общее количество ТВ равняется 100 (1000 разделенное на 10).

После этого все ТВ были распределены пропорционально каждой стране. (См. таблицу 2).

*Таблица 2.
Количество точек выборки*

Регион	Число респондентов	Количество ТВ	Количество ожидаемых интервью ТВ*10
г. Сухум	261	26	260
Город	261	26	260
Сухумский район	48	5	50
Село	48	5	50
Гагрский район	167	17	170
Город	110	11	110
Село	57	6	60
Гудаутский район	153	15	150
Город	42	4	40
Село	111	11	110
Гулрыпшский район	75	8	80
Город	16	2	20
Село	59	6	60
Очамчyrский район	103	10	100
Город	22	2	20
Село	81	8	80
Ткуарчалский район	67	7	70
Город	21	2	20
Село	46	5	50
Гальский район	126	12	120
Город	32	3	30
Село	95	9	90
Итого по РА	1000	100	1000

Регион	Число респондентов	Количество ТВ	Количество ожидаемых интервью ТВ*10
Город	504	50	500
Село	496	50	500

Идея издания брошюры с результатами исследований в Абхазии продиктована рядом причин. И в первую очередь тем, что по сей день никто не занимается системным и всесторонним изучением общественного мнения в республике. В этих условиях опросы Medium-Orient представляют особую ценность.

Название брошюры «Абхазия на пороге XXI века: взгляд изнутри» отражает сущность данного исследования, основанного на результатах опросов общественного мнения, проведённых агентством Medium-Orient в Абхазии в разное время. В фокусе данного исследования оказались векторы общественного мнения по наиболее важным общественно-политическим событиям в республике. В конкретном исследовании мы постарались осуществить социальную топографию настроений в абхазском обществе, а также проследить основные тенденции в настроениях людей по наиболее злободневным вопросам, в частности, уделив основное внимание динамике изменения отношения населения к вопросу о статусе республики.

Настоящее издание публикуется в рамках проекта по изучению общественного мнения в горячих точках и кризисных регионах. Данный проект финансировался «Фондом по развитию демократии».

1. Исторический и социальный контекст нациестроительства в Абхазии

Распад Советского Союза в 1991 году привел к стремительной трансформации пятнадцати союзных республик СССР в новые независимые государства, что представляло собой беспрецедентное явление в мировой истории. Исторически схожие явления, такие, например, как распад Австро-Венгрии в 1918 году или распад Российской империи в 1917 году имели своим следствием появление значительно меньшего числа независимых государств на политической карте мира.

Новорожденные постсоветские государства сильно отличались друг от друга, прежде всего степенью общей зрелости их собственных «высоких культур», определяемых как «стандартизированные, формализованные и кодифицированные культуры, передаваемые посредством и в условиях всеобщей грамотности».³ Вторым важным фактором, существенно отличавшим новорожденные постсоветские государства друг от друга, являлась степень их стремления отделиться от СССР и добиться политической независимости. Если политические элиты и значительная часть населения прибалтийских советских республик, а также советской Грузии, Армении и Молдавии были настроены на отделение от СССР и строительство собственной независимой государственности, то большинство населения советских союзных республик: Белоруссии, Украины, России и центральноазиатских в том числе - оставались в целом лояльными по отношению к СССР, выступая за его сохранение.

Результаты общесоюзного референдума о судьбе СССР, проведенного 17 марта 1991 года, показали, что подавляющее большинство населения тогдашнего СССР (76%) выступало за сохранение Советского Союза. Весьма примечательно то обстоя-

³ См. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 76.

ительство, что наибольшее число сторонников сохранения СССР оказалось в Белоруссии (82,7%), в Узбекистане (93,7%), в Азербайджане (93,3%), в Казахстане (94,1%), в Киргизии (96,4%) и в Таджикистане (96,2%), что существенно превышало число сторонников сохранения СССР в Российской Федерации (71,3%). Процент сторонников сохранения СССР в тогдашней советской Украине (70,2%) был сравним с их количеством в России (71,3%). Неудивительно поэтому, что результаты данного референдума, прошедшего в условиях полной демократии и ставящего под сомнение легитимность распада СССР в декабре 1991 года, являются крайне неудобными для современных постсоветских элит.

Референдум о судьбе СССР в марте 1991 года в полной мере продемонстрировал диаметрально противоположное отношение грузин и абхазов как к Советскому Союзу, так и к собственному государственно-политическому будущему. В то время как Грузия, подобно прибалтийским республикам, отказалась принимать участие в данном референдуме, Абхазия не только приняла в нем активное участие вопреки официальному Тбилиси, но и продемонстрировала один из самых высоких результатов голосования в пользу сохранения СССР (98,6%). Это являлось безусловным выражением несовместимости сложившихся к тому времени абхазского и грузинского национальных проектов. Примечательно, что в это время российская либеральная интеллигенция активно солидаризировалась с Грузией и клеймила Абхазию как «реакционную пост-коммунистическую Вандею»⁴, в то время как прокоммунистические и консервативные политические силы в России стремились оказывать поддержку абхазскому национальному движению.

Новорожденные постсоветские государства с момента своего появления на свет стали добросовестно следовать западной модели «нация-государство» в своих государственных устремлениях; при этом все чаще давали о себе знать суще-

⁴ См. напр.: Червонная С. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея. Москва, 1993.

ственные отличия между ними как в наличии адекватного опыта государственного строительства, так и в общем историческом наследии.

Процесс национального и государственного строительства на постсоветском пространстве часто обнаруживал глубокие, зачастую непреодолимые пропасти между амбициозными проектами менеджеров нового нацистроительства и объективными постсоветскими социально-экономическими и культурными реалиями. В целом, последствия многолетней советской национальной политики часто оказывались своеобразной миной замедленного действия для тех амбициозных постсоветских политиков, которые были готовы принести объективные реалии в жертву своим представлениям и иллюзиям; при этом мины замедленного действия начинали взрываться в тот самый момент, когда идеологи нового нацистроительства пересекали определенную «красную черту».

По словам известного американского эксперта Р. Шпорлюка, отличительной чертой советской политики в «национальном вопросе» было то обстоятельство, что данная политика «создавала нации и национальности, следуя своим собственным целям и критериям, в соответствии с которыми определялись «национальные» или «республиканские» границы... Советы, таким образом, создали ряд проблем, с которыми они были не в состоянии справиться в последние годы существования СССР и которые остались в наследство их преемникам...

Одним из фундаментальных аспектов советских экспериментов с этничностью была связь национальности с правом данной национальности на определенную территорию. Советская власть не изобрела концепцию этнической родины в территориальном смысле, но она сделала многое для того, чтобы выделить именно этот аспект в качестве центрального.

Все этнические территории, даже самые малые, получили при Советской власти статус политических единиц; даже нижестоящие в государственно-правовой иерархии автономные рес-

публики и области получили по меньшей мере некие рудименты собственной «государственности».⁵

Данные «рудименты государственности», предоставленные в СССР даже небольшим этническим группам, стали играть все более важную и противоречивую роль в процессе демократизации, начавшейся в условиях горбачевской «перестройки». В то же время, отдельные союзные республики, стоявшие во главе советской национально-государственной иерархии, демонстрировали во время «перестройки» различное отношение к национальным автономиям в своем составе.

В первые годы после избрания Б. Ельцина президентом России российская либеральная интеллигенция, следуя логике ранних большевиков, считавших Россию гигантской «тюрьмой народов», активно поддерживала и даже инициировала национальные движения в автономных республиках в составе Российской Федерации. Данный подход нашел свое выражение в знаменитом ельцинском лозунге: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», адресованном в популистских целях лидерам российских национальных автономий. В результате подобной политики многочисленные национальные автономии в рамках России избавились от неприятного для них прилагательного «автономный». Ранее автономные, данные образования стали просто «республиками» в составе Российской Федерации со значительно расширенными правами, что нашло свое отражение в Конституции России, принятой в 1993 году.

В отличие от Российской Федерации, в других союзных республиках, где все большую роль играл этнонационализм титульной нации, отношения между ними и национальными автономиями в их составе развивались по совершенно иному сценарию. В отличие от Ельцина, политическое руководство других республик Союза в последние годы существования СССР рассматривало национальные автономные образования на своей территории как неестественные явления, искусственно создан-

⁵ National Identity and Ethnicity in Russia and the new States of Eurasia. Editor: Roman Szporluk. M.E. Sharpe: New York, 1994. P. 5.

ные и навязанные коммунистической Москвой. Более того, с ослаблением центральной власти в СССР и с растущим стремлением к максимальной суверенизации и к дистанцированию от центра, политические элиты союзных республик стало воспринимать свои автономии как потенциальную угрозу собственному суверенитету и независимости.

Однако практические попытки упразднить автономии в рамках союзных республик и реформировать их в унитарные и централизованные государства во главе с титульной этнократией столкнулись с ожесточенным сопротивлением национальных автономий. Лидеры автономных республик, наоборот, стремились к улучшению государственно-политического статуса своих автономий, что делало их непримиримыми врагами позднесоветских союзно-республиканских этнократий. Мина замедленного действия, заложенная советской национальной политикой, была приведена в действие. В силу ряда обстоятельств именно Грузии с ее автономиями в лице Абхазии и Южной Осетии было суждено одной из первых испытать мощный взрыв этой мины, сконструированной, по иронии судьбы, уроженцем Грузии Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Именно Сталин в качестве народного комиссара по делам национальностей в составе первого советского правительства надолго определил сущность и вектор советской национальной политики.

* * *

Представляется весьма символичным то обстоятельство, что именно кавказский регион стал местом, где после распада СССР возникло наибольшее количество «несостоявшихся государств». Одновременно Кавказ породил наибольшее число де-факто государств по сравнению с другими регионами бывшего Советского Союза. В последние годы в клуб «несостоявшихся государств» на постсоветском пространстве уверенно и, судя по всему, надолго вошла Украина. В результате глубоких политических потрясений, вызванных очередным майданом, от Украины не только отпал Крым, но и появились два противостоящих

официальному Киеву де-факто государства в наиболее экономически развитом регионе страны, а проект украинского нациестроительства, дав очередной сбой, оказался в серьезном системном кризисе. Практика убедительно свидетельствует о том, что чем больше менеджеры украинского нациестроительства ориентируются на творческое наследие идеологов украинского интегрального национализма с их культом насилия, агрессии, нетерпимости и мистики, тем уязвимее становится и без того шаткое здание современной украинской государственности, сохранить которое может лишь реалистичная и конструктивная идеология, учитывающая сложные этнокультурные реалии современной Украины.

С самого начала отличительной чертой процесса нациестроительства на территории бывшего СССР стала политика активной этнокультурной инженерии, важным составным компонентом которой являлась реинтерпретация истории, призванная трактовать ключевые исторические события в соответствии с текущими политическими запросами постсоветских этнократических элит. В ходе данного процесса историческое прошлое было тщательно просеяно сквозь новое идеологическое сито; при этом были реанимированы старые и, в случае политической необходимости, сконструированы новые политически востребованные мифы, включая «миф золотого века», «миф упадка» и «миф возрождения» с явной этноцентристской окраской.⁶

Реализация различных проектов нациестроительства на постсоветском пространстве, таким образом, шла рука об руку с существенными трансформациями национальных идентичностей, что было прямым следствием реинтерпретации истории, ставшей одновременно важным инструментом легитимизации новых независимых государств.

Однако последствия данных процессов часто были непредсказуемыми для самих архитекторов постсоветского национально-государственного строительства. Так, с распадом СССР и с

⁶ Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 192.

появлением независимых Украины и Беларуси, когда этническая самоидентификация, предопределенная государством, перестала быть единственно возможным вариантом, часть населения Украины и Беларуси отказалась определять себя в соответствии с традиционной схемой самоидентификации и выбрала альтернативную модель идентичности. Так, например, более половины украинцев Восточной Словакии после чехословацкой «бархатной революции» 1989 года стали заявлять о себе не как украинцах, а как русинах, возрождая свой традиционный этноним, объявленный «нон грата» коммунистическими властями.

Процесс русинского возрождения затронул и Закарпатскую область Украины (историческую Угорскую и Подкарпатскую Русь), где, впрочем, активисты русинского движения подвергаются систематическим преследованиям и дискриминации со стороны как украинских националистических организаций, так и государственных органов. Преследования русинских деятелей, отстаивающих идею существования отдельного от украинцев русинского народа, резко усилились и приобрели особенно уродливые откровенно насильственные формы после украинского майдана в 2014 году.

Подобные процессы имели место и на территории исторического белорусского Полесья, которое занимает южные регионы современной Беларуси. В конце 1980 – начале 1990-х годов местные этнокультурные активисты создали общественную организацию «Полисье», которая, апеллируя к этнокультурной и языковой специфике местного населения, пропагандировала идею существования отдельного восточнославянского полесского народа, отличного от украинцев и белорусов и имеющего славяно-балтские этнические корни.⁷ Наибольший размах подобная деятельность приобрела сразу после распада СССР в первой половине 1990-х годов.

Этносоциальную картину, сложившуюся на постсоветском пространстве сразу после распада СССР, достаточно удачно ил-

⁷ См. Shevchenko Kirill. Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus // Český lid. Ethnological Journal. 2010. № 4.

люстрирует высказывание Э. Геллнера, по словам которого, в мире существует большое количество «потенциальных народов» и перед их появлением на свет мы имеем возможность лишь констатировать многочисленное этнокультурное разнообразие. Данное разнообразие, как полагает Геллнер, не дает, впрочем, надежных оснований для точного предположения, на основе каких именно культурных отличий сформируются новые народы.⁸ Результаты советской этнонациональной политики создали особенно плодородную почву для процесса формирования новых идентичностей и народов.

Сказанное в еще большей степени характерно для Кавказа, где, по словам профессора В. Дегоева, политика всегда была теснейшим образом переплетена с историей, поскольку люди в условиях полиэтничного и поликонфессионального региона всегда были особенно чувствительны к своему прошлому.⁹

* * *

Конфликт между Грузией и Абхазией имеет длительную и сложную историю. Его корни уходят еще в досоветскую и раннюю советскую эпоху. В результате Кавказской войны в первой половине и в середине XIX века значительная часть коренного абхазского населения была вынуждена покинуть родину и переселиться в Османскую империю. По словам абхазского историка С. Лакобы, Кавказская война стала катастрофой для абхазов. Более 50% населения покинули свои дома и стали беженцами в Турции.¹⁰ Приток этнических грузин на абхазские земли первоначально поддерживался властями Российской империи, которые рассматривали православных грузин как свою естественную опору в Закавказье. Если в 1886 г. этнические абхазы составляли

⁸ См. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1990.

⁹ Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Том 1. Москва, 2011. С. 3.

¹⁰ Лакоба С. Абхазия после двух империй. Москва, 2004. С. 12.

85,7% населения Абхазии, то к 1897 г. их число упало до 55,3%.¹¹

Одним из наиболее важных аспектов грузино-абхазского конфликта являлось различное, зачастую взаимно исключаящее прочтение исторического прошлого, начиная с древности и заканчивая советской эпохой. В то время как значительная часть грузинской политической элиты считала советский период исключительно темной страницей грузинской истории, трактуя его как время советской и русской оккупации, абхазский подход к эпохе СССР был более разносторонним и нередко позитивным. По словам абхазского историка С. Лакобы, вплоть до смерти главы абхазского правительства Нестора Лакобы в 1936 г. Абхазия переживала период стабильности, межэтнической гармонии и успехов в области экономики и культуры. После этого, в 1937-1953 годах Абхазия испытала «темный период грузинской экспансии и репрессий против абхазов как народа. Политика Хрущева привела к реабилитации абхазов и возрождению их культуры и образования».¹²

По мнению ряда экспертов, включение Абхазии в состав Грузинской ССР отражало в целом прогрузинскую политику Москвы в период правления Сталина. Опыт пребывания в составе Советской Грузии имел далеко идущие последствия для Абхазии, в целом способствуя дальнейшему отчуждению и обострению отношений между абхазами и грузинами. Историк С. Маркедонов полагает, что «во время правления Сталина Грузия проводила политику дискриминации по отношению к абхазскому населению. В 1937-1938 гг. абхазский алфавит был заменен грузинским; в 1945-1946 гг. грузинский язык стал основным языком обучения в абхазских школах».¹³

В последние годы существования СССР в условиях перестройки и роста национального движения в республиках эскала-

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Abkhazia: Between the Past and the Future. Edited by I. Tekushev, S. Markedonov, K. Shevchenko. Prague, 2013. P. 12.

ция конфликта между грузинами и абхазами являлась неизбежной. Лидер грузинского национального движения Звиад Гамсахурдия выступал за создание моноэтнического и унитарного грузинского государства, что предполагало ликвидацию автономий в рамках Грузии и ассимиляцию национальных меньшинств. Гамсахурдия и его сторонники рассматривали абхазскую и югоосетинскую автономии в составе Грузии как политическую аномалию и печальное следствие антигрузинской политики Москвы, что, по их мнению, следовало как можно быстрее исправить. В одной из своих публичных речей в апреле 1989 г. Гамсахурдия цинично поставил под сомнение само существование абхазов как отдельного самобытного народа.

В свою очередь, абхазские политики рассматривали факт абхазской автономии в рамках Грузии как фатальную несправедливость и трагическую ошибку коммунистической национальной политики, которая, по их мнению, под влиянием грузинского лобби в Москве принесла Абхазию в жертву грузинским интересам.¹⁴ В практической политике абхазские лидеры стремились отделиться от Грузии или существенно повысить статус абхазской автономии по примеру автономных республик в рамках Российской Федерации.

Прямо противоположные цели и ожидания, разнонаправленные векторы государственно-политического развития, политические амбиции и растущая несовместимость, основанные на различном восприятии истории, привели к грузино-абхазской войне в 1992-1993 гг., которая, по мнению ряда экспертов, имела ярко выраженный этнический характер. Именно этничность играла роль основного ресурса мобилизации в ходе данного вооруженного конфликта.¹⁵

Данное обстоятельство в полной мере объясняет ожесточенность, многочисленные жестокости и этнические чистки, совершенные в ходе войны обеими сторонами конфликта. В начальный период войны использование грузинской армией

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа. Москва, 2006. С. 94.

танков, тяжелой артиллерии и военных вертолетов привело к гибели сотен гражданских лиц в Абхазии. Командующий грузинскими вооруженными силами генерал Г. Каркарашвили заявил 24 августа 1992 г., что грузинская армия не намерена никого брать в плен и что все 97 тысяч абхазов погибнут, если они окажут поддержку Ардзинбе и абхазскому руководству.¹⁶ Трагические гуманитарные последствия данной войны - репрессии грузинских войск против мирного населения Абхазии и ответные репрессии абхазских вооруженных формирований против этнических грузин в Абхазии – привели к массовому исходу грузин из Абхазии, что радикально изменило этнический облик Абхазии в пользу титульной национальности и одновременно резко осложнило возможности абхазо-грузинского примирения.

Статус Абхазии как самопровозглашенного непризнанного государства продолжался вплоть до российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 г., когда Россия официально признала Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств. Впоследствии независимость Абхазии была признана и некоторыми латиноамериканскими государствами. Таким образом, статус Абхазии проделал существенную эволюцию от «непризнанного» до «частично признанного» государства.

Говоря о роли российского фактора в развитии грузино-абхазского конфликта, известный эксперт по Кавказу С. Маркедонов подчеркивает, что хотя роль Москвы в трансформации грузино-абхазского конфликта была огромной, тем не менее, она не стала основной предпосылкой происшедших изменений. По мнению Маркедонова, главной причиной являлось многолетнее стремление абхазской политической элиты добиться определения статуса своей республики вне рамок грузинского государства.¹⁷

¹⁶ Грузино-абхазский конфликт 1917-1992. Москва, 2007. С. 89.

¹⁷ Abkhazia: Between the Past and the Future. Edited by I. Tekushev, S. Markedonov, K. Shevchenko. Prague, 2013. P. 14.

Таким образом, из многочисленных непризнанных де-факто государств, появившихся на политической карте обширного постсоветского пространства, Абхазия, пожалуй, формально достигла наибольших успехов, используя противоречия между крупными политическими игроками в кавказском регионе и постепенно, шаг за шагом, добиваясь трансформации своего международного статуса в «частично признанное» государство. Время российско-грузинского вооруженного конфликта и последовавшее за ним признание независимости Абхазии Россией в августе 2008 г. стало важнейшей вехой в современной истории абхазского нацистроительства, которое имело колоссальные по важности последствия. Одним из этих последствий стали существенные изменения в общественном мнении Абхазии по целому ряду вопросов, прежде всего по вопросу государственно-политического статуса республики, что отразило влияние происшедших политических изменений на общественные настроения в республике. Результаты опросов общественного мнения в Абхазии на протяжении прошедших десяти лет представляют собой яркую иллюстрацию эволюции общественных настроений в республике, помогая понять специфику и проблемы абхазского нацистроительства.

2. Права человека в Абхазии и грузинский вопрос в зеркале опросов общественного мнения

Много лет проблема нарушений прав человека в Абхазии традиционно рассматривалась исключительно в контексте возвращения грузинских беженцев на места их прежнего проживания. Однако опросы общественного мнения последних лет свидетельствуют о стремительном нарастании и актуализации в Абхазии определенных проблем, связанных, прежде всего, с соблюдением гражданских прав, обеспечением равенства всех перед законом вне зависимости от их этнической принадлежности. При этом стоит отметить, что все жители Абхазии вне зависимости от национальной принадлежности равно критически оценивают ситуацию с правами и свободами в республике.

Так, согласно опросам общественного мнения, проведенным агентством Medium-Orient в мае 2016 года, 45.5% опрошенных полагают, что права человека в Абхазии не соблюдаются в полной мере; при этом 13.5% опрошенных ответили, что права человека «скорее не соблюдаются». Таким образом, общее число тех, кто полагает, что права человека в Абхазии либо не соблюдаются, либо «соблюдаются не в полной мере», составило 59% опрошенных.

Вместе с тем, в ходе упомянутого выше опроса лишь 21.9% заявило о том, что права человека в Абхазии соблюдаются и еще 13.6% - «скорее соблюдаются». Таким образом, общее количество считающих, что права человека в их республике в той или иной степени соблюдаются, составило 35.5% респондентов, что значительно уступает числу их оппонентов, убежденных в том, что права человека в Абхазии либо не соблюдаются вообще, либо «скорее не соблюдаются» (59%).

Среди конкретных прав человека, которые, по мнению респондентов, в наибольшей степени и чаще всего нарушаются в

Абхазии, были названы «право на жизнь и на защиту данного права со стороны властей» (13.8%); «право не подвергаться необоснованным арестам и задержаниям» (13.8%), а также «право на обладание собственностью» (13.3%). Весьма существенное число респондентов – 10.5% - к числу наиболее часто нарушаемых прав отнесло также «право открыто демонстрировать свою национальную принадлежность». Примечательно, что треть от общего числа респондентов, обеспокоенных ситуацией с правами и свободами этнических меньшинств, составили грузины, что в очередной раз свидетельствует о явно неблагоприятном положении грузинского меньшинства в Абхазии.

Среди политических прав и свобод, по мнению респондентов, в наибольшей степени нарушаемых в Абхазии, были названы «доступ к государственным органам» (18.2%); «право участия в управлении страной» (14.5%); «свобода получения информации» (9.1%), «избирательное право» (7.5%) и «свобода слова» (5.1%). При этом почти половина опрошенных – 43.1% - затруднились с ответом на данный вопрос, что, скорее всего, может свидетельствовать о значительной степени абстрактности и малой практической востребованности политических прав и свобод для существенной части населения Абхазии.

Что касается конкретных социально-экономических прав населения Абхазии, то, по мнению опрошенных, в наибольшей степени в республике нарушается «право на медицинское обслуживание» (14.2%); «право на социальное обеспечение» (12.6%) и «право на труд» (12.6%), что отражает существующие в Абхазии традиционно острые проблемы безработицы и несовершенства социального законодательства. Кроме того, 7.7% респондентов указало «право на ведение предпринимательской и другой законной экономической деятельности» и 6.1% - «право частной собственности». Вместе с тем, треть опрошенных – 33.1% - затруднились с ответом на данный вопрос.

Ответы респондентов на вопрос о том, в какой мере в Абхазии соблюдаются права национальных меньшинств, вновь продемонстрировали зависимость ответов на этот вопрос от нацио-

нальной принадлежности опрошенных. В целом по республике 31.7% респондентов заявили о том, что, по их мнению, права национальных меньшинств в Абхазии «полностью соблюдаются» и 54.8% - «скорее соблюдаются». Только 6.1% опрошенных считают, что права нацменьшинств в республике «скорее не соблюдаются» и лишь 1.6% - «полностью не соблюдаются». При этом 5.8% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос.

Вместе с тем, результаты ответов на данный вопрос значительно варьируются в зависимости от национальности. Так, среди этнических абхазов процент тех, кто считает, что права нацменьшинств в Абхазии полностью соблюдаются, составил 40.8%, что почти на 10% выше, чем по республике в целом (31.7%). В то же время, среди представителей русской, армянской и особенно грузинской диаспор процент полностью удовлетворенных соблюдением прав нацменьшинств в Абхазии оказался существенно ниже, чем среди абхазов. Если среди русских 34.3% считает, что права нацменьшинств полностью соблюдаются, то среди армян этот показатель составил 22.5%, а среди представителей грузинского меньшинства только 7.1%, что является дополнительным и, как представляется, весьма убедительным подтверждением проблемного положения грузинского меньшинства в Абхазии.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют об особом положении грузинского населения в Абхазии, которое в силу целого ряда исторически сложившихся обстоятельств ощущает себя наиболее дискомфортно и уязвимо по сравнению с другими национальными меньшинствами республики.

Проблема грузинского населения в Абхазии резко обострилась в последние годы существования СССР и сразу после его распада, когда явственно проявилась противоположность стремлений грузинской и абхазской политических элит и значительной части населения. В то время как абхазские элиты стремились к сохранению СССР и повышению статуса Абхазской автономии в Грузии, официальный Тбилиси взял курс на выход из

СССР и на превращение Грузии в моноэтническое унитарное государство, что было неприемлемо для абхазского населения. Резкое обострение грузинского вопроса в Абхазии своими корнями уходит в события 1992-1993 годов, когда в результате грузино-абхазского вооруженного конфликта значительная часть грузинского населения была вынуждена покинуть свои дома и переселиться в Грузию.

В 1999 году тогдашний президент Абхазии Владислав Ардзинба принял решение вернуть грузинских беженцев в их родные дома. По данным переписи населения Абхазии, в 2011 году в Гальском районе уже проживали почти 30 тысяч грузин. После признания независимости Абхазии Россией в августе 2008 года, абхазские власти в рамках паспортизации населения выдали абхазские общегражданские паспорта около 25 тысячам грузин, с тем, чтобы последние могли принимать участие в выборах. Наряду с грузинским населением, около 41906 армян получили такие же общегражданские паспорта.

Так, на фоне крайне малочисленного титульного этноса, составляющего, по данным переписи населения 2011 года, 122175 человек, в Абхазии появился примерно стотысячный электорат, представленный грузинской, русской и армянской общинами.

Национальный состав наличного населения по данным переписи населения Абхазии за 2011 год

Национальность	Всего в Абхазии
Абхазы	122175
Русские	22064
Армяне	41906
Грузины	43248

Национальный состав Абхазии и её районов по переписи населения Республики Абхазия 2011 г.

Район	Всего	Абхазы	%	Грузины	%	Армяне	%	Русские	%	Украинцы	%	Греки	%
г. Сухум	62914	42342	67,3	1755	2,8	6192	9,8	9288	14,8	697	1,1	645	1,0
Гагрский район	40217	15482	38,5	1003	2,7	15422	38,3	6334	15,7	529	1,3	259	0,6
Гудаутский район	36775	30125	81,9	506	1,4	3667	10,0	1838	5,0	135	0,4	117	0,3
Сухумский район	11531	3505	30,4	235	1,3	6467	56,1%	864	7,5	58	0,5	147	1,3
Гулрыпшский район	18032	6057	33,6	833	3,6	8430	46,8	2048	11,4	162	0,9	125	0,7
Очамчырский район	24868	19328	77,7	2367	9,5	1647	6,6%	967	3,9	74	0,3	58	0,2
Ткуарчалский район	16012	5128	32,0	9987	62,4	56	0,3	537	3,4	67	0,4	20	0,1
Гальский район	30356	208	0,7	29813	98,2	26	0,1	188	0,6	21	0,1	11	0,0
Итого Абхазия	240705	122175	50,8	46499	19,3	41907	17,4	22064	9,2	1743	0,7	1382	0,6

Грузинский вопрос

До апреля 2015 года грузины в Абхазии одновременно были гражданами двух стран – Грузии и частично признанной Абхазии, независимость которой по-прежнему оспаривается официальным Тбилиси. Однако в 2014 году, накануне внеочередных выборов президента Абхазии, грузинский вопрос оказался политизированным местной оппозицией, и как следствие - 17 тысяч грузин были лишены абхазского гражданства. Им было отказано в избирательных правах, они не смогли принять участия в пре-

зидентских выборах 2014 года. ¹⁸Эти конкретные меры, безусловно, были негативно восприняты грузинским населением Абхазии.

Во время нашего очередного опроса в Гальском районе в апреле-мае 2016 года, мы наблюдали значительную разочарованность населения Гальского района абхазским национально-государственным проектом. Примечательно, что при этом восприятие Грузии было куда более позитивным. Данный социологический факт проявился в ходе опроса общественного мнения жителей Гальского района, проведенного агентством MEDIUM-ORIENT в апреле-мае 2016 года.

Как показал опрос, жители Гальского района в своем большинстве говорят только на грузинском языке. Там активно смотрят грузинское телевидение и слушают грузинское радио. По данным опроса всего 18% респондентов ежедневно смотрят Государственное абхазское телевидение (АГТРК), в то время, когда для 58% жителей республики абхазской национальности АГТРК является главным источником информации.

Бросается в глаза и то, что дети в Гальском районе в основной массе ходят в грузинские школы, расположенные по ту сторону границы. Да и сама Грузия в Гальском районе часто представлена в более выгодном свете, нежели Абхазия. Например, почти все местные медицинские учреждения содержатся за счет Грузии; главный поставщик электроэнергии народам двух стран, Ингурская ГЭС, обслуживается на средства грузинского Министерства энергетики. Так или иначе, принесся в жертву идее нового государства свою национальную гордость, гальцы обезопасили свое жизненное пространство и, более того, получают свой кусок от общегосударственного пирога Грузии. Двусмысленность такой ситуации порождает массу нелепостей, беспокоит абхазских политиков, которые пытаются в свою очередь противопоставить хоть что-то растущему влиянию Грузии. Так, в 2015

18 «26 тысяч грузин, проживающих в Абхазии, лишатся абхазских паспортов». Источник: Голос Америки. <http://www.golos-ameriki.ru/a/raul-khajimba-georgia/1936216.html>

году в Гальском районе открыто местное телевидение "Гал", вещающее на русском и абхазском языках (на тех же частотах, что и российский канал НТВ, из-за чего его передачи отключаются на несколько часов в сутки). Попытались робко воздействовать и на языковую среду гальцев своим разнообразием, чтобы соответствовать реальностям - историческим и современным, а не специально для того, чтобы досадить грузинской стороне.

Чтобы языковая реорганизация продвинулась, в 11 школах Гальского района абхазские власти за последний год сократили на 11 часов в неделю обучение грузинскому языку, увеличив время для изучения русского и абхазского. Однако в целом переломить ситуацию не удастся: Сухуми апеллирует к устаревшим идеям из военного прошлого, базирующимся на давлении и контроле, в то время как Грузия заполняет опустевшую социальную нишу, обеспечивая современной техникой медучреждения, а школы – учебниками. Формально "заграничная" Грузия почти по-хозяйски присутствует в Абхазии.¹⁹

Возможно, по этой причине, отвечая на вопрос о том, какое решение вопроса о статусе Абхазии вы считаете наиболее оптимальным, наибольший процент не определившихся в выборе государственного статуса респондентов пал на грузинскую часть респондентов – 25% опрошенных. В то же время, среди абхазов он составил 4,2%, среди русских - 4,2% , среди армян - 11,3%. При этом за сохранение независимости Абхазии в ее нынешнем виде высказалось всего 33% грузин, в то время как среди абхазской части респондентов данный вариант ответа выбрали 61,7%.

Состояние фрустрации грузинского населения в Абхазии также подтверждается данными ответов респондентов на вопрос о том, считаете ли Вы, что права человека в Абхазии соблюдаются в полной мере? Так, 15% респондентов – грузин заявили, что затрудняются ответить на данный вопрос, в то время, как

¹⁹ Текушев И. Особый район Абхазии // <http://www.svoboda.org/content/article/27685677.html>

число затруднившихся ответить на данный вопрос среди абхазов составило 2,8%, а среди русских - 4,2% респондентов.

Ярким свидетельством разочарованности большей части грузинского населения абхазским государственным проектом является ответ на вопрос о том, планируете ли Вы в ближайшее время уехать в другую страну на длительное проживание?

Так, 15,3% респондентов – этнических грузин заявили о полной решимости переехать в другую страну, при этом 5,1% опрошенных заявили о том, что допускают переезд в другую страну на длительное проживание. В то же время, всего 4,2% армян заявили о своем желании покинуть Абхазию с целью смены постоянного места жительства и всего 5,9% респондентов – этнических абхазов, желающих переехать в Россию.

3. Социальное самочувствие и внешнеполитические приоритеты населения Абхазии

Признание независимости Абхазии со стороны России сразу же после российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. упрочило государственно-правовой статус непризнанной кавказской республики, сделав его более определенным и весомым. Благодаря соглашениям между Россией и Абхазией в финансово-экономической и социальной сферах, в республику стало поступать масштабное российское финансирование в виде финансовой помощи бюджету новорожденного государства. Коснулось оно первоочередным порядком выплаты пенсий жителям Абхазии - гражданам России, оказавшимся в плачевном положении в результате развала СССР, а затем и военного конфликта с Грузией, то есть Россия внесла свой вклад в дела человеческие, содействовала стимуляции общей социальной динамики ; но все же главной целью, пришедших на помощь стране финансовых ресурсов, были программы развития в соответствии с Комплексным планом содействия социально-экономическому развитию Абхазии на 2010-2012 годы, приоритеты последующей Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию Абхазии на 2013-2015 годы.

Привлекая к управлению государством столь недостающие там финансовые потоки и познания в финансовых вопросах, Россия надеялась тем самым повысить эффективность в политике и управлении страной экономическими рычагами. Всего по состоянию на 31 декабря 2014 года общий объем финансирования, поступившего в Абхазию из Российской Федерации, составил около 35 млрд. руб.²⁰

²⁰ Аналитическая справка о социально-экономическом состоянии республики Абхазия. Источник: сайт президента республики Абхазия. <http://presidentofabkhazia.org>

И хотя российский фактор в целом положительно повлиял на социально-экономический климат страны, улучшив уровень жизни жителей Абхазии, он не гарантировал республике внутривнутриполитическую стабильность, устойчивое развитие и экономическое процветание. Значительный разрыв в доходах, социальная сегрегация, высокий уровень преступности, масштабная коррупция продолжают оказывать негативное воздействие на внутривнутриполитический климат страны, провоцируя социальные протесты и недовольство. Летом 2014 года уличные протесты, организованные оппозицией, переросли в государственный переворот, в результате которого свой пост был вынужден покинуть третий президент Абхазии Александр Анкваб.

На его место пришел лидер оппозиции - Рауль Хаджимба. Как достоверно и тонко заметил российский политолог, кавказовед Сергей Маркедонов, данные события затронули как внутривнутриполитическую ситуацию, так и асимметричные отношения России и Абхазии. И хотя они не произвели революционных перемен, их значение крайне важно для понимания особенностей абхазского феномена.

Первым шагом, который был осуществлен командой Рауля Хаджимба, стало подписание Договора о союзничестве и стратегическом партнёрстве с Россией. Он был подписан 24 ноября 2014 года. Но уже на стадии подготовки текст данного документа стал предметом серьезного обсуждения среди политиков, общественников и правозащитников Абхазии. Многие аналитики увидели в нем стремление Москвы укрепить свои позиции в Закавказье в противовес Грузии и поддерживающих ее США.

По справедливому замечанию эксперта Фонда Карнеги Томаса де Ваала, «комментаторы почти не заметили то, насколько абхазская сторона изменила изначальный вариант договора. И даже удалила из него ряд моментов. Слово «интеграция» было заменено на «стратегическое партнерство». Россиянам не было предоставлено право приобретения абхазского гражданства. Внешняя политика стала «скоординированной», а не «согласо-

ванной». Абхазская сторона сохранила свои собственные военные структуры».

При этом договор фактически отразил тот уровень военно-политической кооперации (естественно, асимметричной), который уже существовал после признания абхазской независимости Москвой в августе 2008 года. Таким образом, новый документ не стал каким-то принципиальным открытием. Он, как зеркало, отразил существующее противоречие между стремлением Абхазии к строительству собственного национально-государственного проекта и ее колоссальной зависимостью от российской финансовой поддержки и военно-политических гарантий.

По словам президента РФ Владимира Путина, объем российской инвестиционной программы развития Абхазии в 2015–2017 годах составит 4 млрд. руб. ежегодно. Российский лидер также говорил о том, что российская помощь Абхазии увеличится вдвое «по сравнению с прошлым и даже текущим годом». Важнейший вопрос взаимопонимания заключается в том, сохранятся ли эти впечатляющие параметры финансирования и гарантий в условиях экономического кризиса, чреватого сворачиванием различных проектов. При этом внутри самой Абхазии далеко не все согласны с подписанием договора с РФ, хотя такие настроения сегодня в меньшинстве. Тем не менее, при голосовании за ратификацию документа в Народном собрании республики, которое состоялось 22 декабря 2014 года, 5 депутатов высказались против.

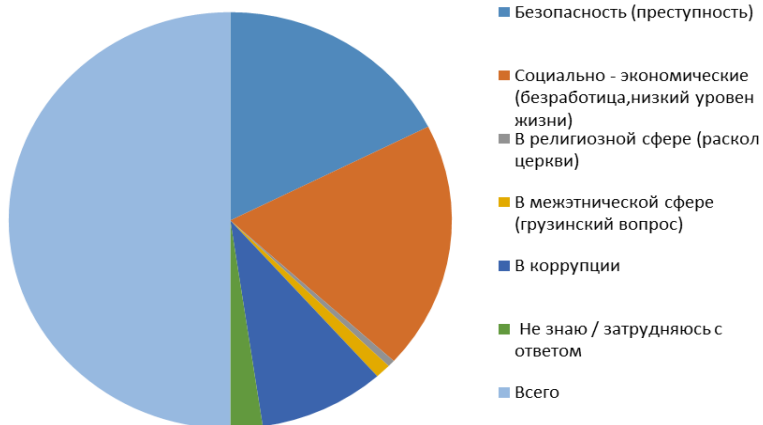
Опрос общественного мнения в Абхазии, проведенный пражским информационным агентством «Medium Orient» в мае 2016 года, позволяет выявить как общее социально-экономическое самочувствие современного абхазского общества и его отношение к различным аспектам внутриполитической ситуации в республике, так и внешнеполитические приоритеты населения Абхазии, включая его отношение к наиболее значимым международным событиям.

Социально-экономические проблемы и проблемы безопасности составляют основной предмет беспокойства жителей Абхазии

Отвечая на вопрос о том, в чем состоят самые острые проблемы нынешней Абхазии, 38.4% респондентов указало на социально-экономические проблемы, имея в виду безработицу и низкий уровень жизни. Чуть меньшее число респондентов (35.1%) в числе наиболее важных назвали проблемы безопасности, главным образом - преступность. На третьем месте, по мнению опрошенных, стоит проблема коррупции (18.4%). Лишь 2.3% в числе главных проблем назвали межэтнические отношения и 1.1% - религиозный вопрос, имея в виду, судя по всему, продолжающийся церковный раскол в Абхазии.

Наиболее важными для подавляющего большинства населения, таким образом, традиционно являются социально-экономические проблемы и проблемы безопасности, что неоднократно подтверждали и более ранние опросы в Абхазии, проводившиеся информационным агентством «Medium Orient».

G1. В чем на ваш взгляд состоят самые острые проблемы Абхазии?

Более половины жителей Абхазии полагают, что экономическое положение их семей улучшилось за последний год

Ответы респондентов на вопрос о том, как изменилось экономическое положение в Вашей семье за последний год, т.е. за вторую половину 2015 – первую половину 2016 гг., представляют скорее оптимистичную картину. Так, наибольшее число опрошенных – 35,2% - отметили, что их экономическое положение улучшилось; еще 19% констатировали, что экономическое положение «скорее улучшилось». Таким образом, общее число тех, кто полагает, что экономическое положение их семей либо улучшилось, либо «скорее улучшилось», составляет 54,2%, т.е. большинство населения.

При этом 20% респондентов заявили об ухудшении экономического положения их семей, а 11,5% отметили, что оно «скорее ухудшилось». В общей сложности количество тех, кто полагает, что в той или иной мере произошло ухудшение их экономического положения, составило 31,5%, что существенно

уступает числу констатировавших улучшение экономического положения (54,2%). Вместе с тем, довольно значительное число опрошенных (14,2%) затруднились с ответом на данный вопрос.

Подавляющее большинство населения Абхазии позитивно оценивает договор о союзничестве и партнерстве с Россией

Пожалуй, наибольшее единодушие опрошенных в ходе опроса в мае 2016 г. выявил вопрос об оценке населением Договора о союзничестве и партнерстве с Россией. Однозначно положительно оценили данный договор 74.9% респондентов; «скорее положительно» к нему отнеслось 9.5% опрошенных. Однозначно отрицательный ответ прозвучал из уст 6.9% опрошенных и еще 3.1% оценили его «скорее отрицательно». Таким образом, подавляющее большинство населения Абхазии (84.4%) в целом позитивно оценивает данный договор с Россией, в то время как число их оппонентов, оценивающих Договор о союз-

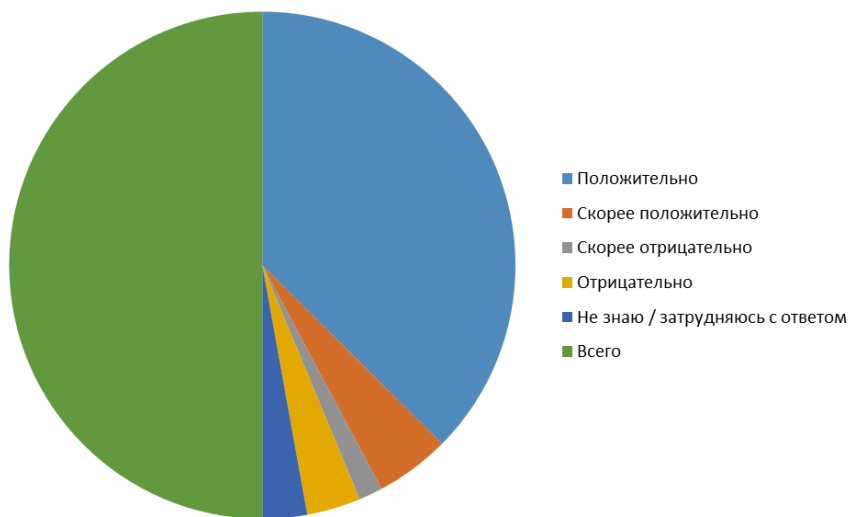
ничестве и партнерстве с Россией в целом негативно, составило лишь 10% респондентов. При этом только 5.7% респондентов затруднились с ответом на этот вопрос, что свидетельствует о четко выработанном отношении к России у подавляющего большинства населения Абхазии.

Судя по всему, подобный характер ответов на данный вопрос со стороны опрошенных объясняется широким распространением пророссийских настроений в Абхазии, вызванных, прежде всего, многолетней поддержкой Абхазии в ее противостоянии с Грузией со стороны России, а также официальным признанием Абхазии Россией после российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 года.

Ответы респондентов на вопрос об оценке работы нового руководства Абхазии во главе с Р. Хаджимбой, несколько неожиданные, и могут в определенной степени восприниматься как явный комплимент в адрес новых властей республики. Так, почти половина всех опрошенных (46.4%) положительно оценили деятельность нового руководства республики; еще 11.9% дали ей «скорее положительную» оценку. Сугубо отрицательно работу нового руководства Абхазии во главе с Р. Хаджимбой оценили 18.2% опрошенных; «скорее отрицательно» ее оценили лишь 5%.

Таким образом, общее число тех, кто в целом позитивно оценил деятельность нового руководства Абхазии, составило в мае 2016 г. 58.3%, тогда как количество тех, кто оценил работу руководства в целом негативно, не превысило 23.2%. Существенная часть респондентов – 18.5% - затруднились дать определенный ответ на данный вопрос.

G4. Как Вы оцениваете Договор о союзничестве и партнерстве с Россией?

Треть населения Абхазии сталкивалось с коррупцией; чаще всего в правоохранительных органах и в сфере образования

Опрос выявил довольно широкую распространенность коррупции в Абхазии. Почти треть опрошенных (28.3%) указали, что они сталкивались с проявлениями коррупции в Абхазии; 4.2% дали скорее утвердительный ответ на данный вопрос. Вместе с тем, 60% и 4.4% соответственно отметили, что они либо не сталкивались, либо «скорее не сталкивались» с проявлениями коррупции. Таким образом, ровно треть опрошенных – 32.5% - констатировали, что они в той или иной степени соприкасались с коррупционными явлениями. При этом только 3.1% затруднились с ответом на данный вопрос.

Представляет интерес то обстоятельство, что чаще всего с проявлениями коррупции респонденты сталкивались в правоохранительных органах республики (19.2%), в органах здравоохранения (10%), а также в сфере образования (16.2%). Гораздо

меньшее число респондентов указало на проявления коррупции в судебной системе (9.5%) и в налоговой службе (7.8%). Очевидно, однако, что именно с правоохранительными органами, с органами здравоохранения и образования население имеет контакты чаще всего, что и объясняет наиболее высокий уровень коррупции в этих сферах, отмечаемый респондентами.

Около половины жителей Абхазии за сохранение независимости республики, треть за вхождение в состав России

Ответы респондентов на вопрос о наиболее оптимальном варианте решения вопроса о статусе Абхазии выявили несколько популярных среди населения моделей государственно-правового статуса республики. Так, 45.2% опрошенных высказались за сохранение независимости Абхазии в ее нынешнем виде, что оказалось наиболее популярной среди населения точ-

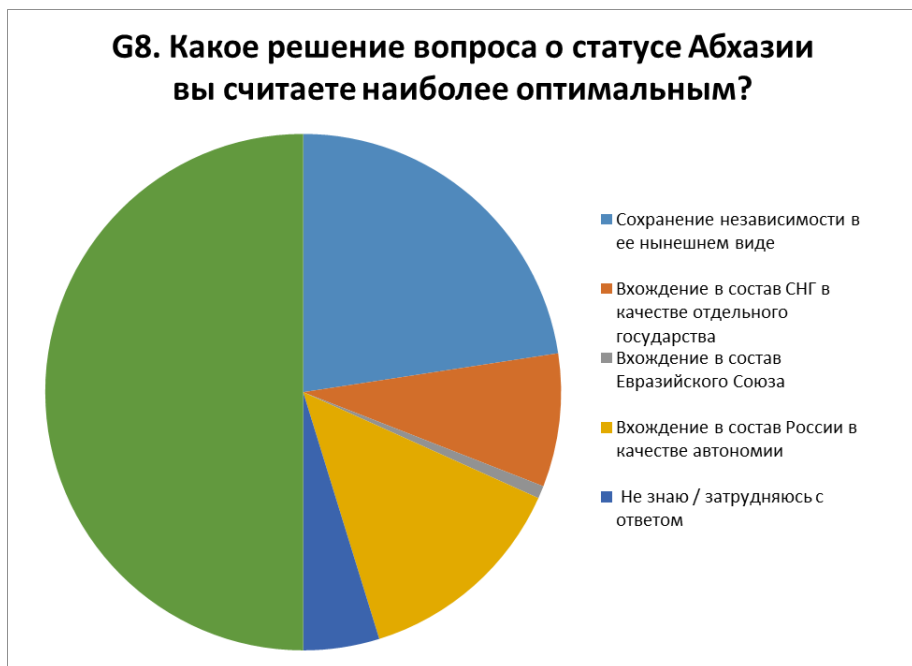
кой зрения. Вторым по популярности вариантом оказалось вхождение в состав России в качестве автономии, за что высказалось 27% респондентов. Наконец, 16.7% высказались за вхождение Абхазии в состав СНГ в качестве отдельного государства и 1.6% заявили о целесообразности вхождения в состав Евразийского союза. Довольно значительное количество опрошенных - 9.5% - не смогли дать определенный ответ на данный вопрос, что свидетельствует о потенциальной возможности существенных изменений общественного мнения Абхазии в этой области.

Примечательно, что среди населения Абхазии число сторонников сохранения независимости в ее нынешней форме (45.2%) примерно соответствует общему числу сторонников различных интеграционных проектов, включая вхождение в состав России, СНГ или Евразийского Союза (45.3%). Очевидно, что дальнейший рост числа сторонников того или иного сценария решения вопроса о государственном статусе Абхазии полностью зависит от степени успешности интеграционных проектов в СНГ и абхазского нациестроительства, тем более, что почти 10% респондентов не имеют четких приоритетов в вопросе о наиболее оптимальном государственно-правовом статусе республики.

Основные приоритеты населения Абхазии в вопросе об оптимальном варианте государственно-правового статуса республики отразились и в ответах на вопрос о наиболее предпочтительном векторе внешнеполитической ориентации республики. Отвечая на вопрос о том, «с каким государством, по Вашему мнению, Абхазия должна развивать отношения в первую очередь?», подавляющее большинство опрошенных (74.4%) указало Россию. На втором месте, но со значительным отставанием от России оказались страны СНГ (15.2%). Прочие крупные внешнеполитические игроки на международной арене собрали крайне малое число голосов. Так, за приоритетное развитие отношений со странами Евросоюза высказалось 2.2% респонден-

тов, за развитие отношений с США – 1.9%, с Турцией – 1.7% и с Китаем – 0.8%.

Столь малый процент сторонников развития приоритетных отношений с Турцией – традиционно важным торгово-экономическим партнером Абхазии – выглядит несколько неожиданно. Судя по всему, данное явление объясняется как резким ухудшением российско-турецких отношений, серьезно повлиявшим на восприятие Турции населением Абхазии, так и определенными изменениями в деловой атмосфере Абхазии, все в большей степени склоняющейся в своих симпатиях и ориентирующейся на Россию.

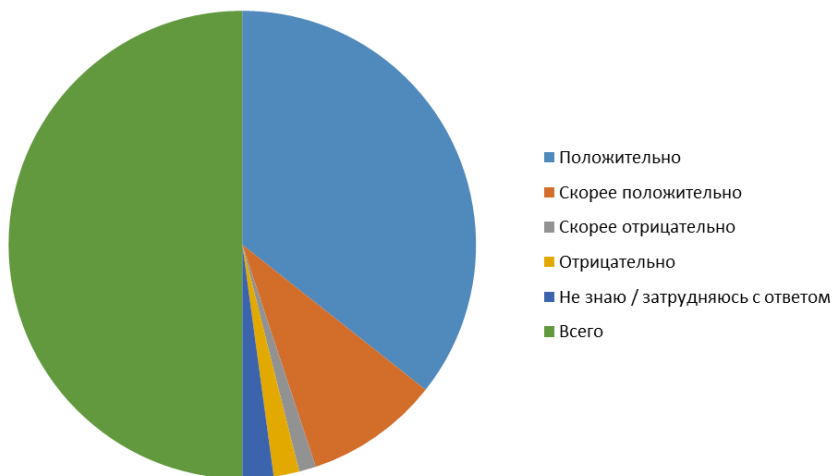

Подавляющее большинство жителей Абхазии оценивают развитие отношений с Россией положительно

Ответы респондентов на вопрос о том, «как Вы оцениваете развитие отношений Абхазии с Россией за последние несколько лет», показали, что подавляющее большинство абхазского общества воспринимает динамику развития отношений с основным внешнеполитическим партнером Абхазии в основном позитивно. 71.3% опрошенных оценили развитие отношений Абхазии с Россией положительно и 18.5% - «скорее положительно». Всего 3.5% оценили развитие отношений отрицательно и еще 2.3% - «скорее отрицательно».

Таким образом, общее число тех, кто оценивает развитие отношений с Россией в той или иной степени положительно, составило 89.8%, тогда как общее количество оценивающих данные отношения отрицательно или «скорее отрицательно» не превысило 5.8%. При этом лишь 4.3% респондентов не смогли дать определенный ответ на данный вопрос.

G10. Как Вы оцениваете развитие отношений Абхазии с Россией за последние несколько лет?

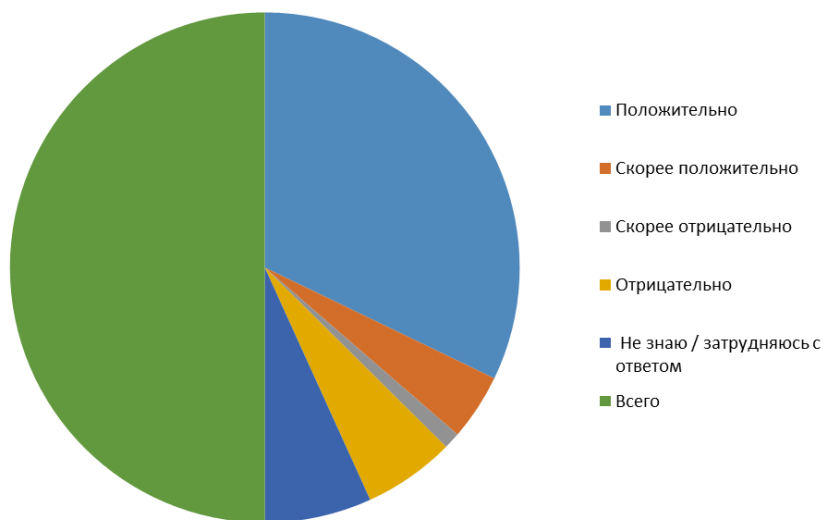
Более половины опрошенных положительно оценивают действия России в Сирии

Большой интерес представляют ответы абхазских респондентов на вопрос о том, как они оценивают действия России в Сирии. Положительно к действиям России в Сирии отнеслось 64.3% опрошенных, «скорее положительно» - 8.4%, отрицательно – 11.6% и «скорее отрицательно» - 2.1%.

Таким образом, хотя общее число тех, кто относится к действиям России в Сирии положительно или «скорее положительно», составило подавляющее большинство (72.7%), говорить о полной поддержке действий России все же нет оснований, так как 13.7% опрошенных заявили о своем в целом отрицательном отношении к действиям России в этой ближневосточной стране.

Примечательно и то обстоятельство, что весьма значительное число респондентов (13.6%) затруднились с ответом на данный вопрос. Это свидетельствует о неоднозначности ситуации в Сирии и сложности понимания истинной картины происходящего в этой стране со стороны населения Абхазии, часть которого, судя по всему, не в полной мере склонна доверять информации о событиях в ближневосточном регионе из российских и абхазских СМИ.

G11. Как Вы оцениваете действия России в Сирии?

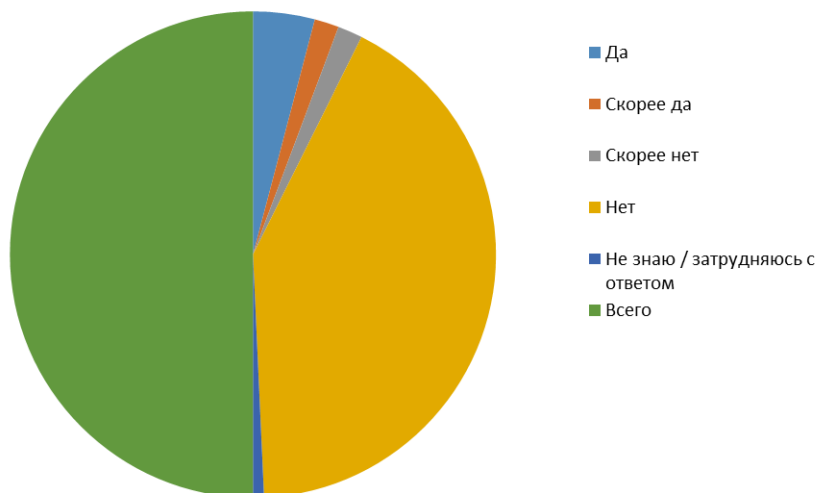
83.8% респондентов «не планируют в ближайшее время уехать в другую страну на длительное проживание»

Важным штрихом к пониманию специфики социально-экономического положения населения в Абхазии стали ответы на вопрос о том, «планируете ли Вы в ближайшее время уехать в другую страну на длительное проживание?» Хотя подавляющее большинство опрошенных – 83.8% - ответило на данный вопрос отрицательно и еще 3.3% отметило, что переезжать в другую страну они «скорее всего не планируют», тем не менее, 8.2% подтвердило свой план переехать в другую страну на длительное время и еще 3.3% заявило, что они склонны к подобному переезду.

Таким образом, общее число тех, кто либо твердо решил покинуть Абхазию, либо всерьез рассматривает такую возмож-

ность, составило 11.5%, что представляет собой достаточно высокую цифру. Лишь 1.5% опрошенных затруднились с ответом на данный вопрос.

G12. Планируете ли Вы в ближайшее время уехать в другую страну на длительное проживание?

4. Медиа - предпочтения жителей Абхазии

Опрос населения, проведенный в Абхазии пражским информационным агентством «Medium Orient» в январе 2015 г., был полностью посвящен использованию средств массовой информации в социальной среде и конкретным медиапредпочтениям населения республики, и выявил ряд интересных особенностей и закономерностей. Знакомство с результатами исследования представляет особую важность в условиях недавнего внутривластного кризиса, острого конфликта среди абхазских элит и смены власти в Абхазии в середине 2014 года, а также в условиях растущей конфликтности и общей нестабильности в Восточной Европе и странах СНГ, когда интерес населения к новостям и информации значительно повышается.

Результаты опроса в известной степени отразили то обстоятельство, что в силу ряда внутривластных и внешнеполитических факторов Абхазия в течение последнего ряда лет переживала перманентный внутривластный кризис, который приобретал различные формы непрерывных процессов социального взаимодействия, одним из компонентов которых как раз и является отдельно взятый «Эффект МК». В ходе опроса, проведенного в январе 2015 г. по общенациональной выборке на всей территории Абхазии, было опрошено 1497 респондентов, включая абхазов, армян, грузин, русских и представителей других национальностей, этнических групп, проживающих в республике.

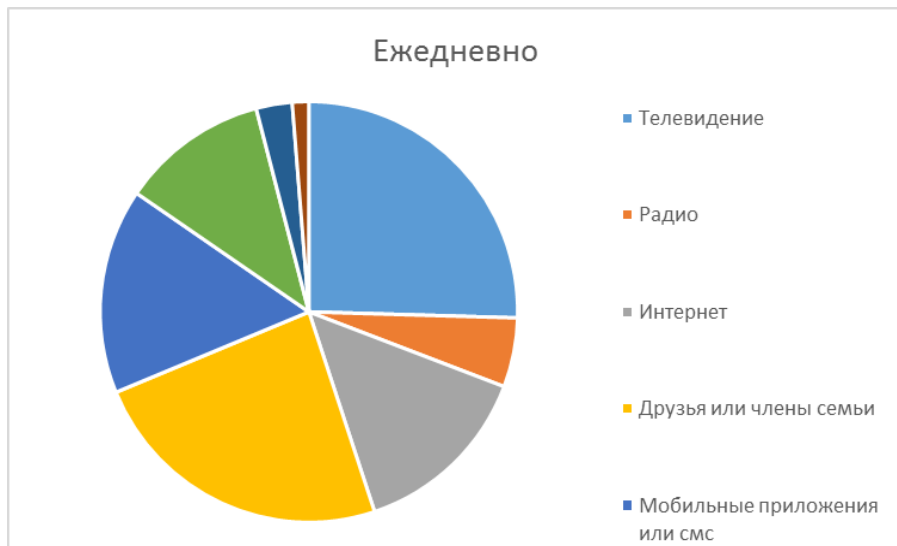
Отвечая на вопрос о наиболее популярных, важных и востребованных источниках информации, а также о частоте их использования, подавляющее большинство опрошенных жителей Абхазии назвало в этом качестве телевидение. Так, 86.1% опрошенных отметили, что они ежедневно или практически ежедневно прибегают к телевидению в качестве источника информации; при этом только 10% заявило, что они используют телевидение в качестве источника информации один раз в неделю.

Примечательно, что на втором месте по частоте использования в качестве источника информации оказались друзья или члены семьи, к которым для получения новостей ежедневно или практически ежедневно обращается 80.7% опрошенных. Данная цифра означает, что ближайшее социальное окружение наряду с телевидением представляет собой важнейший источник новостей и информации для населения Абхазии.

Очень важное место в качестве источника информации занимают также мобильные приложения и смс (53.4% опрошенных обращаются к ним ежедневно); Интернет (47.8% обращаются к нему ежедневно), а также различные социальные сети, включая Вконтакте, Фейсбук и Твиттер (38.5% ежедневно). Наиболее популярными группами в данном контексте являются группа «АРСМИРА», «АГЭТА центр», «О российско-абхазских отношениях», «Абхаз-авто».

Результаты опроса продемонстрировали, что традиционные СМИ в виде радио и особенно пресса существенно уступают электронным СМИ в качестве источника новостей и информации. Так, радио в качестве источника информации ежедневно используют не более 18% респондентов, газеты – только 9.4% опрошенных.

Рейтинг ежедневных источников информации

Говоря о знакомых им конкретных источниках информации из числа различных СМИ, большинство опрошенных указало в этом качестве радио «Эхо Кавказа» (53.2%) и Би-Би-Си (53%). Среди хорошо известных населению источников информации были названы также «Голос Америки» (36.6%), Радио «Свобода» (35.5%) и грузинская радиостанция Радио «Тависуплеба» (6.8%).

Отвечая на вопрос о том, смотрели ли Вы определенный телевизионный канал или какие-нибудь программы на данном канале, подавляющее большинство респондентов указало в данном качестве Абхазскую государственную телерадиокомпанию (АГТРК) (92.1%), ОРТ (86.5%), а также АБАЗА ТВ (78.5%). Менее популярными среди населения оказались канал Россия - 24 (69%), Евроньюс (44.1%), а также Имеди (10.2%). При этом только 7.7.% респондентов заявило о том, что они не смотрели АГТРК, 13.1% - ОРТ, 21% - АБАЗА ТВ и 29.8% - канал Россия-

24. Вместе с тем, большинство опрошенных не смотрело Евроньюс (54.4%) и канал Имеди (88.7%).

Ответы респондентов на вопрос о времени просмотра конкретных каналов показали, что из числа зрителей АГТРК 77% смотрели данный канал вчера и 16.2% - на прошлой неделе; из числа зрителей ОРТ 86.6% смотрели данный канал вчера и 10.5% - на прошлой неделе; из числа зрителей канала АБАЗА 76.2% смотрело его вчера и 15.2% - на прошлой неделе и из числа зрителей канала Россия- 24 72.7% смотрели данный канал вчера и 19.3% - на прошлой неделе. Каналы Евроньюс и Имеди оказались менее востребованы своими зрителями с точки зрения частоты и времени просмотра. Из числа зрителей Евроньюс 57.6% смотрели данный канал вчера и 30.2% - на прошлой неделе. Среди зрителей канала Имеди только 47.1% смотрели его вчера и 35.6% - на прошлой неделе. Однако наибольшее число тех, кто заявил, что смотрел данный канал вчера, оказалось среди зрителей ОРТ (86.6%).

Среди радиостанций наиболее востребованной и популярной у населения оказалась Абхазская государственная телерадиокомпания (АГТРК), передачи которой в разное время слушало 41.4% опрошенных. Весьма популярными оказались также радио «Рио Рита», передачи которого оказались непосредственно знакомы 28.8% опрошенных, а также радио «Голос России» (20.7% опрошенных) и радиостанция «Эхо Кавказа» (14.7% опрошенных).

Примечательно при этом, что хотя лично передачи «Эха Кавказа» слушали 14.7% респондентов, данная радиостанция в качестве источника новостей и информации известна значительно большему числу опрошенных (53.2%), которые, очевидно, получали информацию о передачах «Эха Кавказа» от родственников, друзей или знакомых. Аналогичная ситуация имеет место и с Радио «Свобода», передачи которой лично слушало только 11.8% опрошенных, хотя в качестве источника информации данная радиостанция оказалась известной 35.5% респондентов.

Из числа слушателей АГТРК 49.3% заявило о том, что слушало данную радиостанцию вчера и 32.1% - на прошлой неделе; из числа слушателей радио «Рио Рита» 43.1% слушало данную радиостанцию вчера и 30.3% - на прошлой неделе; среди слушателей радиостанции «Голос России» 28% слушали данную радиостанцию вчера и 41.3% - на прошлой неделе. Слушатели радиостанций «Эхо Кавказа», «Свободы» и «Тависуплеба» оказались менее активны. Так, только 16.8% слушателей «Эха Кавказа» заявило о том, что они слушали данную радиостанцию вчера и 35% - на прошлой неделе. Среди слушателей радио «Свобода» 17.5% слушало данную радиостанцию вчера и 21.7% - на прошлой неделе. 16.7% слушателей радио «Тависуплеба» слушало данную радиостанцию вчера и 39.9% - на прошлой неделе.

Данные опроса убедительно продемонстрировали растущее значение Интернета как важного источника новостей и информации для населения Абхазии. Отвечая на вопрос о том, используете ли Вы Интернет в качестве источника информации, почти 57% опрошенных ответили утвердительно, в то время как отрицательный ответ дало только 44.4% респондентов. При этом 50.3% опрошенных заявило о том, что последний раз они использовали Интернет в рабочих или личных целях вчера, что свидетельствует о достаточно высокой активности пользователей Интернета в Абхазии. При этом 7.9% респондентов заявили о том, что они пользовались Интернетом на прошлой неделе и 1.9% - в прошлом месяце.

Отвечая на вопрос о конкретных источниках, из которых респонденты получали информацию посредством Интернета (через вебсайт, социальные сети, новостную рассылку и другими способами), наибольшее число опрошенных (7.2%) указало «Эхо Кавказа». 6.1% опрошенных отметило в этом качестве «Голос России», 4.4% - русскую службу Би-Би-Си, 3.9% - Радио «Свобода», 2.3% - «Голос Америки» и 1.1% - «Тависуплеба». При этом наиболее активными оказались потребители информации, источником которой являлась «Свобода».

Так, 54% тех, кто получал информацию от Радио «Свобода» из Интернета, делал это вчера и 30% - на прошлой неделе; 34.6% тех, кто получал информацию от «Эха Кавказа» посредством Интернета, делал это вчера и 40.1% - на прошлой неделе; 26.7% потребителей информации, источником которой был «Голос Америки», получали данную информацию вчера и 44.1% - на прошлой неделе. Среди потребителей информации от русской службы Би-Би-Си 25.9% получали данную информацию вчера и 39.2% - на прошлой неделе.

Менее активными оказались потребители информации, предоставляемой «Голосом России» и «Тависуплеба». Только 14% потребителей информации «Голоса России» получали ее посредством Интернета вчера и 59.8% - на прошлой неделе. Из числа потребителей информации от «Тависуплеба» 10.4% получали ее посредством Интернета вчера и 32.3% - на прошлой неделе.

* * *

Об умонастроениях и общественно-политических приоритетах населения Абхазии в целом ярко свидетельствуют ответы респондентов на вопрос о том, что, по их мнению, является наиболее важным для страны и общества. Примечательно, что из предложенного перечня процессов подавляющее большинство респондентов (95.2%) в качестве наиболее приоритетного выделило соблюдение прав человека.

Для 93.9% опрошенных наиболее важным является равенство всех перед законом независимо от возраста, пола, а также от этнической и религиозной принадлежности. Свободные и честные выборы являются безусловным приоритетом для 91.4% опрошенных. Для 85.1% респондентов наибольшее значение имеет наличие активного гражданского общества в стране. Значительное число опрошенных (84.3%) отметило также важность свободы вероисповедания, что, судя по всему, отражает обострившуюся борьбу вокруг вопроса о статусе Абхазской православной церкви.

Подобная шкала ценностей, продемонстрированная респондентами в ходе опроса, свидетельствует о стремительном нарастании и актуализации в Абхазии определенных проблем, связанных, прежде всего, с соблюдением прав человека в республике и обеспечением равенства всех перед Законом. Именно эти проблемы, приобретая все более острый характер, стоят перед абхазским обществом в настоящее время. В то же время, данное обстоятельство указывает и на наличие большой потенциальной аудитории СМИ среди широких слоев населения Абхазии.

Заключение

Известный грузинский писатель и общественный деятель И. Гомартели, размышляя об абхазском вопросе, перипетиях абхазско-грузинских взаимоотношений и об общих перспективах развития абхазского народа после революционных потрясений в России в 1917 г., писал в тбилисской грузинской газете «Али-они» в ноябре 1917 г., что «абхазы не в состоянии создать ни культуру, ни систему письма. У них отсутствуют необходимые для этого культурные ресурсы. Абхазы не занимаются ни торговлей, ни предпринимательством, поскольку они предпочитают лишь наслаждаться жизнью и развлекаться. Они не любят работать...Принимая во внимание то обстоятельство, что процесс поглощения абхазов является неизбежным, не столь важно, кто именно поглотит абхазов...».²¹

Столь неутешительное мнение об абхазах, их деловых качествах и перспективах их развития оказалось широко распространенным и довольно сильно укорененным в грузинском массовом сознании. В апреле 1989 года в разгар горбачевской «перестройки» в СССР другой известный грузинский интеллектуал и политик, З. Гамсахурдия, пошел еще дальше своего предшественника, поставив под вопрос во время своего публичного выступления в Тбилиси само существование абхазов как отдельного самобытного народа. Примечательно, что именно З. Гамсахурдии было суждено стать первым президентом независимого грузинского государства и заложить основы политики официального Тбилиси в отношении своих национальных меньшинств, что быстро привело Грузию к многочисленным военным конфликтам и территориальным потерям. Данные факты отражают широко распространенное высокомерное и культур-

²¹ Abkhazia: Between the Past and the Future. Edited by I. Tekushev, S. Markedonov, K. Shevchenko. Prague, 2013. P. 130.

трегерское отношение значительной части грузинской политической и интеллектуальной элиты к своим северо-восточным соседям, во многом объясняя причины исторического расставания этих двух кавказских народов.

Спустя сто лет можно с полным основанием констатировать, что мрачные предсказания И. Гомартели по поводу будущего абхазов оказались ошибочными и необоснованными. Естественно, мы задаемся вопросом: а почему? В силу множества исторических обстоятельств, самой специфики советской национальной политики; хитросплетений московской этнокультурной инженерии и комбинации самых разных внешних и внутренних факторов; благодаря балансированию и использованию грузино-российских противоречий на Кавказе в постсоветский период, Абхазия смогла не только сохранить свой статус де-факто государства, но и существенно улучшить его, получив признание своей политической независимости от России после грузино-российского военного конфликта в августе 2008 года. Более того, такая политическая единица выковывалась потенциально за долгие века экспансии.

Столь существенная трансформация международно-правового статуса Абхазии имела колоссальные по значимости последствия. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что наиболее важное изменение в абхазском социуме состоит в том, что после августа 2008 года идея полноценной государственной независимости Абхазии приобрела окончательную легитимность в глазах подавляющего большинства населения республики, превратившись в доминирующий фактор общественных настроений.

Так, если в марте 1991 года в ходе референдума о судьбе СССР подавляющее большинство жителей Абхазии (98,6%) продемонстрировали свою лояльность Советскому Союзу, проголосовав за его сохранение, а в 2006 году значительное большинство абхазов (68%) посчитало, что вхождение в состав России является оптимальным способом решения вопроса о статусе республики, то в 2011 году ситуация с общественным мнением

радикально изменилась. Опрос, проведенный в 2011 году, спустя три года после признания независимости Абхазии Россией, показал, что 73% опрошенных выступило за политическую независимость Абхазии и лишь 24,6% высказалось за вхождение в состав России. По справедливому замечанию С. Маркедонова, после августа 2008 года проблема «грузинской угрозы» в значительной степени утратила свою актуальность; вместо нее главным вопросом на повестке дня стало «качество абхазской независимости и государственности».²²

Между тем, упомянутое экспертом «качество» абхазской независимости и государственности оказалось достаточно проблематичным и при этом весьма далеким от идеального. Результаты опросов продемонстрировали, что абхазское общество по-прежнему озабочено существованием целого ряда серьезных проблем и болевых точек.

К наиболее важным проблемам следует отнести указанные респондентами социально-экономические проблемы и проблемы безопасности. Еще более острой, судя по опросам, оказалась ситуация с правами человека: так, по результатам опроса, проведенного в 2016 году, 59% опрошенных полагает, что права человека в Абхазии либо не соблюдаются вообще, либо соблюдаются не в полной мере.

Судя по результатам социологического опроса в 2016 году, абхазское общество в определенной степени остается разделенным и в вопросе наиболее оптимального государственно-правового статуса республики. В то время как 45.2% выступает за сохранение независимости Абхазии в ее нынешнем виде, 45.3% предпочитает участие Абхазии в различных интеграционных проектах: от вхождения в состав России (27%) до вхождения в состав СНГ (16.7%) или Евразийского Союза (1.6%). Вместе с тем, оценка развития отношений с Россией выявила практически полный консенсус в абхазском обществе в данном во-

²² Там же. С. 131.

просе, поскольку 89,8% опрошенных оценивают данные отношения положительно или скорее положительно.

Крайне интересным является сравнение динамики изменений общественного мнения в Абхазии по поводу статуса республики уже после признания независимости Абхазии Россией в 2008 году. Так, если в ходе опроса в 2011 г. 73% жителей Абхазии поддерживали политическую независимость республики, и только 24,6% выступало за вхождение в состав России, то опрос 2016 года показал, что только 45,2% выступает за сохранение независимости Абхазии в ее нынешнем виде, а за вхождение в состав России выступает 27% опрошенных.

Таким образом, число тех, кто выступает за политическую независимость Абхазии, как самый оптимальный способ решения вопроса ее статуса, понизилось с 73% в 2011 году до 45,2% в 2016 году. В то же время, число сторонников вхождения в состав Российской Федерации незначительно возросло с 24,6% в 2011 году до 27% в 2016 году.

Обращает на себя внимание и то примечательное обстоятельство, что за последние несколько лет резко возрос процент тех, кто затрудняется дать определенный ответ на вопрос об оптимальном статусе Абхазии. Так, если во время опроса в Абхазии в 2011 году всего 1,7% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о наиболее оптимальном статусе республики, то опрос 2016 года продемонстрировал, что количество тех, кто не смог дать определенный ответ на данный вопрос, возросло с 1,7% до 9,5%.

Подобная динамика, судя по всему, свидетельствует о некотором разочаровании населения Абхазии прогрессом и развитием своей республики в качестве независимого государства, что увеличивает число колеблющихся в вопросе о наиболее оптимальном статусе республики.

Динамика изменений общественного мнения населения Абхазии по поводу статуса Абхазии в течение последних десяти лет приведена в следующей сравнительной таблице, где указаны

данные социологических опросов, проводившихся в Абхазии соответственно в 2006, 2011 и 2016 годах.

*Динамика изменений общественного мнения
Абхазии по поводу статуса Абхазии*

	Каким, по Вашему мнению, является оптимальное решение вопроса о статусе Абхазии?		
	Август 2006	Сентябрь 2011	Май 2016
Присоединение к России	68%	24,6%	27%
Присоединение к Грузии	0%	0,6%	-
Независимая Абхазия	24%	73%	45,2%
Вхождение в состав СНГ	-	-	16,7%
Вхождение в состав Евразийского Союза	-	-	1,6%
Не знаю / затрудняюсь с ответом	3%	1,7%	9,5%

Таким образом, признание независимости Абхазии со стороны России сразу после российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. сделало государственно-правовой статус данной частично признанной кавказской республики более определенным, практически сведя к нулю возможную угрозу со стороны Грузии, однако отнюдь не гарантировало ее внутривнутриполитическую стабильность, устойчивое развитие и экономическое процветание. Данное обстоятельство в очередной раз под-

твердило, что строительство и развитие успешных и эффективных государственных институтов является не менее важной задачей, чем завоевание и сохранение политической независимости.

* * *

Пример Абхазии и других де-факто государств ярко свидетельствует о том, что значительная часть границ между союзными республиками бывшего СССР, проведенных советскими властями в соответствии с определенными ими самими критериями, была устойчива и жизнеспособна только в условиях советской системы и в рамках Советского Союза. После распада СССР в 1991 году та часть постсоветских государств, элиты которых слишком рьяно и бескомпромиссно стали, вопреки социокультурным и историческим реалиям, насаждать этнократическую модель государственного устройства с доминированием титульной нации и дискриминацией национальных меньшинств, оказалась не в состоянии обеспечить существование своих границ, унаследованных от СССР.

Предсказуемым ответом на жесткую этнократическую модель государственного устройства, получившую столь широкое распространение на постсоветском пространстве, стало появление многочисленных и амбициозных де-факто государств, вступивших в небезуспешную конкуренцию со своими историческими соперниками в области нациестроительства. Наиболее ярким и интересным примером успешного де-факто государства и является Абхазия.

Однако относительная успешность Абхазии как вполне состоявшегося частично признанного государства в колоссальной степени объясняется географическими особенностями этой страны, главным образом доступом к Черному морю и наличием общей сухопутной границы с Россией, позволяющей в полной мере опираться на российскую военную и экономическую помощь. Кроме того, немаловажную роль играет и большой туристический потенциал Абхазии, получившей в наследство от

СССР развитую туристическую инфраструктуру и являющейся по этой причине достаточно привлекательным объектом для российских туристов. Официальное дипломатическое признание Абхазии Россией и наличие общей границы существенно облегчили Абхазии выстраивание отношений и с другими странами СНГ и Евразийского Союза, которые, воздерживаясь от дипломатического признания Абхазии, в то же время активно развивают с ней торгово-экономические отношения.

Вместе с тем, другое достаточно успешное де-факто государство - Приднестровье, располагающее несравнимо большим, нежели Абхазия, социально-экономическим, промышленным и демографическим потенциалом, но не имеющее общей границы с Россией и отрезанное от Черного моря, с точки зрения своего внешнеполитического статуса значительно уступает Абхазии. Так, Приднестровье остается полностью непризнанной республикой и, будучи зажатым между Украиной и Молдовой, периодически испытывает серьезные проблемы от нарушений коммуникаций с Россией, которую отделяет от Приднестровья значительная по протяженности территория Украины. Эффективность и надежность коммуникации России с Приднестровьем, таким образом, очень уязвима и находится в прямой зависимости от состояния политических отношений Москвы с Киевом и Кишиневом.

Это обстоятельство периодически становится и причиной серьезных проблем в экономическом сотрудничестве России и Приднестровья, поскольку возможность осуществления беспрепятственного транзита грузов между Приднестровьем и Россией полностью зависит от позиции украинских властей. В отношениях Москвы и Сухума подобных проблем не существует, что позволяет широко развивать двусторонние связи.

Таким образом, существенные успехи Абхазии в сфере улучшения своего государственно-правового и внешнеполитического статуса достигнуты в основном благодаря успешному сочетанию благоприятных географических и внешнеполитических факторов. В то же время, собственные достижения Абхазии

в области экономики, гуманитарной сферы и нациестроительства нельзя не признать достаточно скромными, а в ряде аспектов даже проблемными и предостерегающими. Так, пример Абхазии недвусмысленно указывает на постоянную опасность этноцентризма и этнократического государственного устройства, которые оказались привлекательной моделью национально-государственного строительства и для абхазской политической элиты. Об этом, в частности, свидетельствуют системная дискриминация грузинского национального меньшинства в Абхазии и явные сбои на пути формирования абхазской гражданской нации.

Сумеют ли элиты Абхазии и других многочисленных де-факто государств на постсоветском пространстве уйти от опасных соблазнов этнократического государственного устройства, создав и реализовав на практике альтернативную модель, обеспечивающую интересы всех этнических групп, покажет время.

Сведения об авторах

КИРИЛЛ ШЕВЧЕНКО - историк, профессор Минского филиала Российского государственного социального университета (РГСУ), доктор исторических наук (2009). Также преподает на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ).

ИСЛАМ ТЕКУШЕВ, журналист, социолог, директор информационного агентства Medium-Orient, главный редактор сайта www.caucasustimes.com (Прага, Чехия).